

© 2017 г.

К.Б. БОЖИК, И.С. КРЕМЕР

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС И КРУШЕНИЕ ГЕРМАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ (1989–1990 годы)

Божик Кристина Богдановна – аспирантка, методист кафедры политологии Института международных отношений и социальных наук Московского государственного лингвистического университета (ИМО и СН МГЛУ) (Москва, Россия).

Кремер Илья Семенович – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений ИМО и СН МГЛУ (Москва, Россия).

Весной 1991 г. в перерыве заседания Исполкома Международной Федерации борцов Сопротивления (ФИР) почетный президент этой организации Курт Гольдштейн вынул из кармана коробочку, открыл ее и высыпал на стол десяток монет. Его советский коллега спросил – зачем тебе эти реликвии? Старый немецкий антифашист, боец интербригады в Испании, выданный властями Виши гестаповцам, выживший в Освенциме и Бухенвальде, ответил: «Я собрал эти монеты ГДР для внуков. Они должны знать, что 40 лет на немецкой земле существовало особое государство, с которым многие немцы связывали свои мечты о лучшей жизни, о дружеских связях с соседними народами, о жизни без Круппов, Сименсов и Фликов».

Почему же история ГДР оказалась столь недолгой – всего 40 лет?

Хотя среди социалистических стран Германская Демократическая Республика (ГДР) считалась наиболее экономически развитой страной, она все годы своего существования в определенной мере зависела от Западной Германии, закупая там значительную долю всей необходимой ей промышленной и сельскохозяйственной продукции. Сказывалась бедность немецкого востока природными ресурсами.

Весьма значительной была советская экономическая помощь ГДР. Советские поставки составляли: по природному газу – 100%, нефти – примерно 90%, железной руде – 65%, древесине – 100%, хлопку – почти 90% потребности ГДР¹. Но следует признать, что на объеме и качестве поставок сырья и промышленной продукции из СССР отражались такие недостатки сверхцентрализованной советской экономической системы, как бюрократизм, негибкость. Лидер ГДР Э. Хоннекер еще в конце 80-х годов жаловался Генеральному секретарю ЦК КПСС М.С. Горбачёву, что советские партнеры не всегда выполняют свои обязательства перед ГДР. Речь шла, в частности, о том, что ленинградские предприятия неожиданно отказались от уже согласованных поставок оборудования для строящихся в ГДР атомных электростанций².

На экономических связях сказывалось и отставание СССР от достижений мировой технической мысли. В результате, например, руководство ГДР приняло решение отказаться от закупок советской электроники и перенесло заказы на ЭВМ в США.

В итоге объявленные планы ежегодного прироста национального дохода ГДР на 4% и соответствующего подъема стандарта жизни населения не были достигнуты ни в 1970-е, ни в 1980-е годы. Буксовала и широко разрекламированная программа строительства

¹ Абызов В., Брок Г. ГДР: будни и праздники. М., 1984, с. 66.

² Михаил Горбачёв и германский вопрос. Сборник документов (1986–1991). М., 2006, с. 121.

3 млн квартир до 1990 г. Последний председатель Совета министров ГДР Х. Модров отмечал, что провозгласив решение жилищной проблемы, «мы сами себя загнали в угол»³.

Немецкие товарищи нередко слепо копировали политические и экономические особенности экономики и политики советского «старшего брата». Они создали общество, лишенное соревновательности и конкурентности и привели его к стагнации. К Восточной Германии вполне были применимы предостережения немецкой мыслительницы и революционерки Розы Люксембург, которая встретила установление фактически однопартийной системы в Советской России своими «Письмами из тюрьмы». Люксембург писала: «Без всеобщих выборов, неограниченной свободы прессы и собраний, свободной борьбы мнений, жизнь во всех общественных институтах замирает, превращается в видимость жизни, в которой только бюрократия остается действующим элементом ... несколько десятков партийных вождей с неистощимой энергией и безграничным идеализмом будут дирижировать и править, среди них десяток выдающихся голов будут на деле руководить, а элита трудящихся будет время от времени приглашаться на собрания, чтобы аплодировать речам вождей и единогласно принимать предложенные резолюции. В своей основе это — хозяйство клики — в любом случае, диктатура, но не диктатура пролетариата, а диктатура горсти политиков»⁴.

Различие в уровне жизни в двух немецких государствах, наличие сотен тысяч разделенных семей приводили к тому, что, несмотря на принятые Восточной Германией меры, поток эмигрантов из ГДР в ФРГ никогда полностью не иссякал. Уже в 1970-е годы правительство ГДР, заинтересованное в западногерманских кредитах, вынуждено было несколько смягчить условия выезда из страны, которыми могла воспользоваться часть квалифицированных специалистов и интеллектуалов. Одновременно властями обоих германских государств была использована сомнительная практика выкупа за валюту арестованных в ГДР противников режима⁵.

До начала перестройки в СССР проблема объединения Германии не стояла в числе приоритетных и для правительства ФРГ. Рассуждая о политике ФРГ на 1980-е годы, министр иностранных дел Боннской республики Г.-Д. Геншер приводил список задач внешней политики ФРГ, но ни слова не упоминал о перспективе объединения Германии⁶. Один из авторов коллективной монографии «Германия. Вызовы XXI века» бывший советник-посланник посольства СССР в ГДР И.Ф. Максимычев отмечал, что еще накануне разразившегося в 1989–1990 гг. кризиса ГДР «в политических кругах основных стран мира укрепилось мнение, что раскол Германии приобрел долгосрочный характер». Почти повсеместно считалось, что решение германского вопроса «отложено, как минимум на несколько десятилетий»⁷.

Начавшийся во второй половине 1980-х годов процесс объединения двух Германий был исторически обусловлен. Нельзя навсегда разделить народ, имеющий двухтысячелетнюю общую историю, общее культурное наследие, общий язык, а между 1871 г. и 1945 г. — и общую экономику и государственность. Но послевоенная история развивалась так, что разделенная Германия была в большей степени не субъектом, а объектом мировой политики. Поэтому необходим был значительный внешний толчок, чтобы создание единого германского государства стало действительностью. Таким толчком стали «перестройка» и «гласность» в Советском Союзе и провозглашенное советским лидером «новое политическое мышление».

Следует признать, что перед М.С. Горбачёвым в германской проблеме таились огромные трудности. Он наверняка понимал, что если дело дойдет до объединения

³ Модров Х. Я хотел жить в новой Германии. М., 2000, с. 168.

⁴ Engelmann B. Trotz alledem – Deutsche Radikale 1777–1977. Frankfurt – Wien – Zürich. 1978, с. 324.

⁵ Кузьмин И.Н. Поражение: крушение ГДР и объединение Германии. М., 2003, с. 20.

⁶ Genscher H.-D. Deutsche Aussenpolitik. Ausgewählte Grundsatzreden 1975–1980. Bonn, 1981, S. 331–332.

⁷ Германия. Вызовы XXI века. М., 2009, с. 2.

двух стран, так называемый «социалистический лагерь» потеряет свое важнейшее звено. Кроме того, «холодная война» не кончилась в день прихода к власти нового Генерального секретаря ЦК КПСС. Между тем, слияние двух германских государств означало для Советского Союза и возглавляемого им военно-политического объединения – Варшавского договора – потерю важнейших стратегических позиций, уход Советской Армии и вывод советского вооружения из Центральной Европы. Очевидно, что эвакуация более двух десятков советских дивизий с тысячами танков и другим вооружением нарушило сложившееся соотношение сил между двумя военно-политическими блоками – Варшавским договором и НАТО. Естественно, что сопротивление военных (и не только военных) кругов внутри СССР и руководящих элит ГДР и других стран «социалистического лагеря» шагам, направленным на объединение Германии, было сильным. Да и у лидера Советского Союза решение начать немедленные действия в германском вопросе, также не сразу созрело. Как справедливо пишут составители сборника документов «Михаил Горбачёв и германский вопрос» А.А. Галкин и А.С. Черняев, «вопрос воссоединения первоначально практически не ставился⁸. К тому же на заре «эры Горбачёва» еще наблюдались рецидивы обострения отношений между Москвой и Бонном. В памяти осталась выходка канцлера ФРГ Г. Коля, сравнившего в октябре 1986 г. «пропагандистское мастерство М.С. Горбачёва» с методами нацистского министра пропаганды Й. Геббельса⁹.

В 1987 г., принимая в Москве президента ФРГ Р. фон Вайцзеккера, советский лидер объяснял, что решение немецких проблем «принадлежит истории». Даже год спустя, во время первой встречи с Г. Колем, Горбачёв высказал не слишком оптимистическое предположение, что, возможно, следующее столетие принесет объединение Германии.

В ФРГ далеко не вся политическая элита сумела оценить значение перемен в Советском Союзе и понять открывающиеся новые возможности решения германской проблемы. Одно из исключений составлял В. Брандт, высказывавшийся уже в 1985 г. в том смысле, что только люди, лишённые политического инстинкта, не могут оценить перемены в Москве. Но можно утверждать, что никто не ожидал столь быстрого развития событий. Бывший министр иностранных дел и экс-президент ФРГ В. Шеель в 1986 г. писал: «Немцы не рассчитывают в ближайшее время на воссоединение Германии, они надеются на то, что это произойдет в рамках нового, мирного европейского порядка с открытыми границами и уважением прав человека... Нельзя рассчитывать, что ГДР и восточноевропейцы переймут нашу систему ценностей и откажутся от своей»¹⁰. Другими словами, один из главных архитекторов «новой восточной политики» ФРГ видел объединение Германии еще далеко за горизонтом.

Постепенно убеждения М.С. Горбачева по германскому вопросу стали меняться. В этом плане стала решающей середина 1989 г. Находясь в июне 1989 г. в Бонне, советский лидер говорил, что «ничего нет вечного под Луной», что берлинская стена «появилась в конкретной ситуации», что она «может исчезнуть, когда отпадут предпосылки, которые ее породили. Не вижу тут большой проблемы»¹¹.

Что же происходило в ГДР, какую политику вело ее руководство, как относилось население республики к «свежим ветрам перемен», которые дули с востока?

В связи с перестройкой и «новым политическим мышлением» в «застывшем политическом пейзаже» ГДР «все сдвинулось с места». Если говорить о руководстве ГДР, то оно было явно обеспокоено новыми процессами в Советском Союзе. Представители научного сообщества ГДР в беседах с советскими коллегами подчеркивали тревогу руководителей страны и даже осуждение (не для широкой публики) первых шагов перестройки – отказ от жесткой централизации и детального планирования, закон

⁸ Михаил Горбачёв и германский вопрос, с. XIV.

⁹ Там же, с. 652.

¹⁰ *Stern F. Fünf Deutschland und ein Leben.* München, 2007, S. 39.

¹¹ Россия и Германия в годы войны и мира (1941–1995). М., 1995, с. 441–442.

о кооперативах, выборность руководителей в экономике, в научных и культурных учреждениях СССР. Лозунг «учиться у Советского Союза» еще раньше исчез со стен домов и со страниц прессы ГДР. Более того, из свободной продажи исчезли многие советские газеты и журналы. В широких кругах населения Восточной Германии приобрело известность высказывание члена Политбюро СЕПГ К. Хагера, который в интервью западногерманскому журналу «Штерн» сказал: «Неужели Вы почувствуете себя обязанным заново склеивать обоями свою квартиру лишь потому, что Ваш сосед оклеивает свою квартиру новыми обоями?»¹². Позднее, в беседе с М.С. Горбачёвым 1 ноября 1989 г., председатель Государственного совета ГДР Э. Кренц сказал, что Хагер только «дисциплинированно повторил фразу Э. Хонеккера». Сам же Хонеккер в январе 1989 г. заявил, что стена в Берлине простоят еще 50 или 100 лет.

Авторы, описывающие ситуацию в ГДР в конце 1980-х годов – И.Н. Кузьмин, И.Ф. Максимычев, В.П. Терехов единодушны в своей характеристике нарастающего экономического и политического кризиса в стране. Они пишут о росте валютной задолженности Западу, об усилении зависимости от ФРГ, об упадке промышленного производства и растущем недовольстве населения ситуацией в стране. В среде интеллигенции, включая и часть партийной, наблюдалось разочарование некоторыми постулатами марксистско-ленинской идеологии, которые нередко не выдерживали сопоставления с реальной жизнью.

Заметная часть молодого поколения мечтала о поисках счастья в западногерманском государстве. Запрет на выезды за границу обычным путем, драконовские меры по охране сухопутных и морских границ ГДР, а также в районе берлинской стены, толкали людей на поиск обходных путей. Для второй половины 1980-х годов характерно стремление людей проявить инициативу, перестать пассивно ждать, начать действовать. К таким активным действиям относится нарастающий процесс организации партнерских связей.

Уже в 1981 г. такие связи завязали Йена в ГДР и Эрланген в ФРГ, соответственно Котбус и Саарбрюккен, Росток и Бремен, Галле и Карлсруэ – «процесс пошел». И.Н. Кузьмин, работавший в 1984–1991 гг. начальником информационно-аналитического отдела аппарата советской внешней разведки в Берлине, справедливо отмечает, что «тем самым создавались новые германско-германские структуры и открывались широкие возможности для последующего сближения сторон»¹³.

О поведении широких слоев населения ГДР можно сказать, что народ вышел на улицу. «Молчаливое большинство» перестало быть пассивным и устремилось на манифестации по любому поводу. Четверть миллиона граждан ГДР вышли 15 января 1989 г. на демонстрацию в Восточном Берлине по случаю 70-й годовщины убийства К. Либкнехта и Р. Люксембург. В первомайской демонстрации в столице ГДР приняли участие 750 тыс. чел. Две недели спустя на слет молодежи в Берлине вышли 750 тысяч юношей и девушек. В начале сентября 1989 г. полиция Лейпцига разогнала участников манифестации, требовавших свободы выезда на Запад.

В борьбе за свободу выезда население нашло новые возможности. Большие группы «туристов» из ГДР отправлялись в Венгрию, Чехословакию, Польшу (что позволялось властями); оттуда они стремились попасть в Австрию и транзитом – в ФРГ. Представительства ФРГ в социалистических странах стали местом сбора новых мигрантов. Поток «туристов» резко увеличился после 10 сентября 1989 г., когда правительство Венгрии открыло свою границу с Австрией. Это был фон, на котором 6–7 октября 1989 г. состоялись празднества в связи с 40-летием ГДР. 6 октября для участия в празднике приехал Горбачёв. За день до отъезда в Восточный Берлин помощник президента СССР А.С. Черняев записал в своем дневнике: «М.С. завтра летит в ГДР, на 40-летие. Очень ему не хочется». И дальше: «Сегодня в Дрездене – 20-тысячная демонстрация. Вчера – в Лейпциге еще больше. Идет информация, что в присутствии

¹² Кузьмин И.Н. Указ. соч., с. 40.

¹³ Там же, с. 33.

Горбачёва начнут штурмовать стену»¹⁴. К счастью, законопослушные немцы этого не сделали: они ждали решения сверху.

Визит Горбачёва, его приветственное выступление 6 октября 1989 г., беседа советского лидера 7 октября с Хонеккером и в тот же день – с членами Политбюро ЦК СЕПГ, ясно показали, что времена «доктрины Брежнева» ушли в прошлое.

Горбачёв поехал в ГДР, хорошо зная критическую обстановку в республике. Заведующий Международным отделом ЦК КПСС В.М. Фалин писал, что уже в 1987–1988 гг. он «доводил до сведения М.С. Горбачёва и А.Н. Яковлева, что явления распада в ГДР зашли значительно дальше, чем принято считать». По его мнению, момент для перелома был уже упущен и развитие могло выйти из-под контроля¹⁵.

Как отмечал В.М. Фалин, в беседах с Хонеккером и другими руководителями ГДР Горбачёв подобрал теплые слова, оттеняющие значение ГДР в социалистическом содружестве. Вместе с тем, советский лидер советовал СЕПГ не запаздывать с назревшими переменами и встать во главе преобразований. Он подчеркнул, что ГДР – суверенное государство, а СЕПГ – независимая партия и «вы сами определитесь, как дальше»¹⁶. Реакции руководителей ГДР на эти слова Горбачёва не последовало.

И.Н. Кузьмин сообщает, что выйдя из комнаты, где происходила встреча советского гостя с руководством ГДР, Горбачёв сказал советскому послу в ГДР В.И. Кочемасову: «Что здесь еще можно сделать? Как об стенку горох. Они ничего не хотят принимать»¹⁷. Оценивая поездку Горбачёва в целом, И.Н. Кузьмин подчеркивал, что ни сам визит, ни обращение советского лидера к руководству СЕПГ «не имели приписываемого им исторического значения», что Михаил Сергеевич «в очередной раз опоздал».

В этом утверждении есть реальная основа. Горбачёв говорил 1 ноября 1989 г. в беседе с Кренцем, что если бы Хонеккер по собственной инициативе два – три года назад пошел на необходимые перемены в политике, все было бы во многом по-другому¹⁸.

Этот визит ускорил процесс высвобождения населения ГДР из под власти СЕПГ. Во всяком случае, советский руководитель освободил граждан ГДР от страха перед вмешательством внешней силы, прежде всего со стороны расквартированной в ГДР советской группы войск. Есть все основания считать, что визит Горбачёва, его выступления, смысл которых сводился к тому, что силового вмешательства со стороны Советского Союза не будет, дали сильный импульс дальнейшему развитию событий. Впервые за 40 лет почувствовали себя более самостоятельными до сих пор сервильные блоковые партии ГДР – Христианские демократы (ХДП), Либеральные демократы (ЛДПГ), Демократическая крестьянская и Национал-демократическая партии Германии. Быстро приобретала влияние только что появившаяся в ГДР Социал-демократическая партия.

И.Н. Кузьмин вспоминал, что демонстранты старались пробиться к Горбачёву, прорваться к Дворцу Республики, в котором шел торжественный прием. Во время массированного применения сил полиции и госбезопасности в Восточном Берлине было много раненых, более 1 тыс. чел. были задержаны, многие из них в течение суток подвергались избиениям и унижениям, по всей ГДР полиция в этот день арестовала 3,5 тыс. демонстрантов¹⁹.

Утром 8 октября Кренц начал переговоры с другим членом Политбюро – министром госбезопасности ГДР Э. Мильке о необходимости сместить Хонеккера с его постов. Кренц и Мильке получили поддержку еще нескольких членов Политбюро. 17 октября на заседании высшего органа партии Хонеккер был единогласно уволен в отставку.

¹⁴ Черняев А.С. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991 годы. М., 2009, с. 805–806.

¹⁵ Фалин В.М. Без скидок на обстоятельства. М., 1999, с. 435.

¹⁶ Там же, с. 441.

¹⁷ Кузьмин И.Н. Указ. соч., с. 89–90.

¹⁸ Михаил Горбачёв и германский вопрос, с. 235.

¹⁹ Кузьмин И.Н. Указ. соч., с. 90.

1 ноября 1989 г. М.С. Горбачёв беседовал с прилетевшим в Москву Кренцем как с новым руководителем ГДР. При ознакомлении с текстом этой беседы складывается впечатление, что Горбачёв еще надеялся, что обновление руководства поможет новым лидерам ГДР удержать ситуацию в стране под контролем, что они способны еще провести назревшие реформы.

Кренц говорил, что «люди у нас были очень недовольны тем, что средства массовой информации создавали иллюзорный мир, не соответствующий реалиям жизни. Пропаганда расходилась с практикой. Партия стала терять доверие народа». За последние три месяца тысячи людей покинули страну; руководство ГДР никак не реагировало на этот процесс или подчеркивало, что оно «не собирается лить слезы по тем, кто уехал».

Новые руководители ГДР пришли к выводу, что политический кризис не является продуктом последних месяцев, что проблемы накапливались годами. Интересно замечание Кренца об экономическом положении в ГДР: «если изложить всю правду, то это было бы шоком». Кренц говорил о «широком развитии демократии», о том, что в Конституции ГДР предстоит отразить «вопросы свободы прессы, гласности, защиты достоинства и свободу личности»²⁰. Кренц использовал в ходе беседы с Горбачёвым и эмоциональные мотивы, пытаясь укрепить советского руководителя в намерении сохранить ГДР: «Хотелось бы яснее представить себе, какое место Советский Союз уделяет ФРГ и ГДР в общеевропейском доме?... Мы исходим из того, что ГДР — это дитя Советского Союза, а ведь порядочные люди всегда признают своих детей»²¹.

Представлял интерес подход Горбачёва в начале ноября 1989 г. к проблеме объединения Германии. Он подчеркивал, что намерен придерживаться прежней линии на сосуществование двух немецких государств. Одновременно он сообщал Кренцу, что «все серьезные деятели — и Тэтчер, и Миттеран, и Андреотти, и Ярузельский, и те же американцы... не стремятся к объединению Германии»²².

Позицию США по проблеме объединения Германии охарактеризовала позднее госсекретарь США К. Райс: «США были обеспокоены на самом деле только одним, а именно тем, что воссоединение Германии может разрушить НАТО»²³. Франция больше других испытывала тревогу перед перспективой объединения Германии. «Именно это, — отмечает историк-германист Н.В. Павлов, — побудило президента Ф. Миттерана совершить срочный визит в Киев 6 декабря 1989 г. для встречи с М.С. Горбачёвым». Еще за 10 лет до этого Ф. Миттеран заявлял, что немецкое единство не только нежелательно, но и невозможно»²⁴.

Несколько неожиданным выглядит описание Горбачёвым позиции лидера немецких социал-демократов и председателя Социнтерна В. Брандта: «ГДР — это огромное завоевание социализма ... Ликвидация республики, по его мнению, была бы крахом для социал-демократов»²⁵.

Для представлений Горбачёва о сроках объединения страны интересен следующий пассаж его беседы с Кренцем: «Может быть, через сколько-то десятков лет, если будут развиваться интеграционные процессы в Европе, иначе будет выглядеть и немецкий вопрос... сегодня вопрос об объединении Германии не актуален»²⁶. Это было сказано за 8 дней до падения берлинской стены.

²⁰ Михаил Горбачёв и германский вопрос, с. 233, 235.

²¹ Там же, с. 238.

²² Там же.

²³ *Максимычев И. Ф.* Россия и Германия. Война и мир. От мировых войн к европейской безопасности. М., 2014, с. 267.

²⁴ *Павлов Н. В.* Германия на пути в третье тысячелетие. М., 2001, с. 127.

²⁵ Михаил Горбачёв и германский вопрос, с. 238.

²⁶ Там же.

Заметную роль в развитии событий в ГДР играло то обстоятельство, что у Кренца была репутация ближайшего сотрудника Хонеккера и даже его наследника, «крон-принца СЕПГ».

4 ноября 1989 г. состоялась крупнейшая демонстрация в Восточном Берлине — 1 млн человек выражали недоверие руководству СЕПГ. Однако в выступлениях почти 30 ораторов — известных в стране писателей, артистов, представителей оппозиции не было ни одного призыва к объединению Германии. Другими словами, в обществе еще сильны были настроения в пользу реформирования и сохранения ГДР. Среди массовых выступлений осенью 1989 г. большое влияние на ситуацию в стране оказали еженедельные демонстрации в Лейпциге. Число их участников быстро нарастало. 2 октября 1989 г. на улицу вышли 15 тыс. демонстрантов, 9 — 70 тыс., 16 — 150 тыс., 23 — 200 тыс., 6 ноября — 500 тыс. Лозунги участников шествий были связаны с требованием глубокого реформирования общества²⁷.

7 ноября 1989 г. ушло в отставку правительство ГДР во главе с премьер-министром В. Штофом. В это время вопросы объединения Германии еще не вышли на первое место. Н. И. Кузьмин считает, что даже после падения Берлинской стены 9 ноября 1989 г. и открытия границы ГДР с Западным Берлином и ФРГ «в качестве консенсуса представлялась идея конфедерации двух германских государств»²⁸.

Как грибы после дождя на территории ГДР появлялись новые общественные организации — «Новый форум», «Демократический порыв», «Зеленая партия». Все они позднее приняли участие в «Круглом столе». Среди главных лозунгов осени 1989 г. — требования расследования нарушений прав человека, в особенности, со стороны МГБ («штази») ГДР, расследование фактов коррупции, ликвидация незаконных льгот партийных и государственных функционеров.

Между тем, продолжался отток населения Восточной Германии за рубеж. Если через Венгрию и Австрию ежедневно перемещались около 1 тыс. чел., то через Чехословакию за первую неделю ноября выехали в ФРГ 50 тыс. жителей ГДР. Документ пленума ЦК СЕПГ по вопросу о порядке выезда предусматривал, что с 10 часов утра 10 ноября полиция начнет оформлять визы на выезд.

Однако действительность опрокинула эти планы. 9 ноября 1989 г. в 19 часов член Политбюро СЕПГ Г. Шабовски выступил по телевидению с отчетом о пленуме. В конце своего выступления Шабовски сообщил, что Совет министров ГДР снял все ограничения на выезд из страны, все граждане могут в любое время получить многократные визы. На вопрос одного из журналистов — когда вступает в силу это постановление, Шабовски ответил: «немедленно!»

В. М. Филин ставил вопрос: какую роль играл СССР в момент открытия границы, «ранее оберегаемой как передний край обороны Варшавского договора»? Когда Фалин в конце ноября 1989 г. спросил у Кренца и нового премьера ГДР Х. Модрова, кто и как принимал решение об открытии границы, ответ гласил: «Так получилось»²⁹. Через короткое время десятки тысяч людей собрались у контрольно-пропускных пунктов на границе между Восточным и Западным Берлином.

Пограничники ГДР ничего не знали о постановлении правительства. Единственная инструкция, переданная им начальством, гласила: не применять оружие. Опасаясь неуправляемых действий толпы, пограничники открыли все шлагбаумы. Огромный поток людей устремился на Запад. Все это продолжалось и в следующие дни. За 10 дней после 9 ноября полиция, наладившая выдачу виз, выдала их 11 млн штук. Пограничных переходов не хватало. 12 ноября 1989 г. в Берлинской стене были сделаны первые проломы и созданы дополнительные переходы на Запад.

То, что произошло в ноябрьские дни 1989 г., было крупным историческим событием, коренным образом изменившим ситуацию в ГДР и в развитии проблемы

²⁷ Кузьмин И. Н. Указ. соч., с. 105.

²⁸ Там же, с. 107.

²⁹ Фалин В. М. Указ. соч., с. 443.

объединения Германии. Популярный в народе политик Модров сформировал новое правительство, утвержденное Народной палатой ГДР 18 ноября. Модров еще надеялся сохранить ГДР и ее социально-экономический строй. В книге «Я хотел жить в новой Германии» Модров писал о своих планах: «Я верил в реформированную, социалистическую ГДР и выступал за сосуществование с Федеративной республикой на основе сотрудничества. Я хотел договорного сообщества»³⁰.

У каждого, кто интересуется историей германских государств, может возникнуть вопрос – почему сколько-нибудь серьезного национально-освободительного движения ни в одной, ни в другой части Германии не было.

Причины этого, на наш взгляд, лежали не только в таком важнейшем факте, как оккупация страны войсками четырех держав – победительниц. В западной части Германии относительно спокойное отношение к расколу страны поддерживалось прежде всего благоприятным экономическим развитием, прогрессивным социальным законодательством, наличием демократических свобод, в том числе возможности свободно посещать другие страны.

Отсутствие в течение многих лет каких-либо практических действий «низов» в пользу воссоединения Германии сдерживалось также укоренившимся в населении ФРГ, особенно с 1960-х годов, чувством вины за совершенное Германией в отношении соседних народов и распространенными убеждениями, что все вопросы международной жизни должны решаться только мирно, путем переговоров.

По-видимому, именно здесь лежали истоки той поддержки и даже энтузиазма, которые были проявлены в свое время значительной частью народа в связи с новой восточной политикой Брандта. Нельзя не учитывать, что в некоторых политических кругах существовали опасения, что объединение экономики процветающей ФРГ с относительно отсталой ГДР неизбежно поведет к снижению уровня жизни в западной части объединенной страны. Такие взгляды можно было встретить в профсоюзной и в социал-демократической среде. В частности, один из руководящих деятелей СДПГ О. Лафонтен еще в 1989–1990 гг. призывал не спешить с объединением Германии и, по крайней мере до общеевропейского урегулирования, сохранить самостоятельность ГДР³¹.

Сложнее обстояло дело в ГДР, где изоляция от внешнего мира была важной частью бытия; правящий режим опирался не только на вездесущие силы «штази», на присутствие войск великого союзника СССР, но и на тотальную идеологическую обработку населения, которое с утра до вечера старалось убедить, что именно ГДР является гарантом мира в Центральной Европе. К тому же активность сторонников перемен в ГДР, а также стремление к объединению Германии, сдерживали примеры новейшей европейской истории, в частности, судьба раздавленной советскими танками «пражской весны» конца 1960-х годов.

Как отмечает И. Ф. Максимычев, начавшаяся в 1980-е годы горбачёвская перестройка подорвала одну из самых надежных опор режима, которая состояла в убеждении людей по обе стороны германской границы в безусловной поддержке режима СЕПГ со стороны Москвы³².

Как вела себя правящая в ГДР партия СЕПГ, насчитывавшая к началу политического кризиса 1989 г. более 2 млн членов? С одной стороны, члены партии пассивно ожидали, что скажут (или укажут) сверху. С другой, в партии состояли не только убежденные марксисты, но и люди, для которых партийный билет члена СЕПГ был прежде всего пропуском к хорошо оплачиваемой работе, к социальному лифту, позволяющему надеяться на быстрый карьерный успех. Модров пишет, что «у СЕПГ всегда было два лица. Люди, стремившиеся по прагматическим соображениям устроиться в государстве, занимали в этой партии столь же беспорное место, как и безнадёжные

³⁰ Модров Х. Указ. соч., с. 309.

³¹ Merseburger P. Willy Brandts Ostpolitik und die deutsche Einheit. Berlin, 2009, S. 34.

³² Максимычев И. Ф. Роль ФРГ в современном мире. – Германия. Вызовы XXI века, с. 21.

мыслители-идеалисты»³³. Значительное место в партии на рубеже 1980—1990-х годов занимали люди разочарованные, понимавшие, что между привлекательными лозунгами партийных программ и реальной социально-политической жизнью в ГДР существует большая дистанция.

После утверждения бундстагом ФРГ в ноябре 1983 г. решения НАТО о довооружении (речь шла об установке в Западной Европе 562 атомных ракет), отношения между ФРГ и ГДР обострились. Власти ФРГ резко ужесточили свое отношение к контактам «зеленых» и СЕПГ, СЕПГ с западноберлинским движением за мир. Странным образом это отразилось и на поведении властей ГДР, активизировавших преследование «своих» борцов за мир. В январе 1984 г. группа «Диалог Восток-Запад» (Западный Берлин) направила письмо Хоннекеру: «Вы, господин Хоннекер, вредите и нашей общей цели — созданию Европы, свободной от атомного оружия, когда отправляете в тюрьмы людей, которые ищут пути участия в сохранении мира»³⁴.

Сторонники мира на политической сцене ФРГ пустили свои критические стрелы не только в сторону Запада, но и Востока. Петра Келли и еще несколько известных «зеленых» выступили с заявлением, что не только «западным», но и «восточным» правительствам нельзя доверять, пока одни одобряют установку новых ракет средней дальности, а другие — вторжение в Афганистан.

Во второй половине 1980-х годов в содержание переписки и дискуссий между активистами антивоенного и экологического движений все чаще проникали такие проблемы, как мирный договор с обоими немецкими государствами, возможная конфедерация ГДР и ФРГ, а также внеблоковая политика обоих германских государств.

Оценивая в целом влияние западногерманских партий и движений на ситуацию в ГДР, можно сказать, что это влияние было до конца 1989 г. весьма ограниченным, «точечным». Необходимо особо отметить оттепель в отношениях между СЕПГ и СДПГ. Хотя попытки установить контакты между этими партиями имели место и в прежние годы, именно в 1980-е годы связи между ними приняли конкретный, значимый характер. Обе партии начали свои переговоры по программно-идеологическим вопросам еще весной 1984 г. В итоге почти трехлетних регулярных встреч и дискуссий они пришли в августе 1987 г. к созданию «Бумаги СДПГ — СЕПГ»³⁵.

В первый раз почти за 70 лет удалось посадить за один стол идеологов двух рабочих партий — фактически коммунистической СЕПГ и социал-демократической партии Германии. Содержание согласованного ими документа показывает, что главной побудительной причиной исторического события было обоюдное чувство опасности, стремление партнеров из обеих партий отвести народы своих стран от края пропасти, от реальной угрозы взаимного уничтожения.

Как сказал один из участников дискуссий Отто Рейнгольд (СЕПГ), речь шла о создании «коалиции разума и реализма». По сути дела главное место в диалоге СДПГ и СЕПГ занимали не идеологические или социальные проблемы, а вопросы сохранения и укрепления мира. Поскольку в основном у обеих сторон оказалась по этим вопросам сходная позиция, представителям двух партий удалось прийти к единым выводам по главной проблеме международных отношений. На этом пути они подошли и к глобальным проблемам человечества — развития «третьего мира», охраны окружающей среды, обеспечения энергетическими ресурсами, борьбы с тяжелыми болезнями. Но главное — они нашли общий язык и по таким острым вопросам, как ограничение вооружений, отказ от использования атомного оружия, решение споров только за столом переговоров. Документ имел большое влияние на взгляды и привычные постулаты членов обеих партий.

³³ *Модров Х.* Указ. соч., с. 439.

³⁴ *Materialien der Enquete-Kommission «Aufarbeitung von Geschichte und Folgen der SED-Diktatur in Deutschland», Bd. I–IX.* Bonn, 1994–2000, Bd. VII (2), S. 1872.

³⁵ *Das SPD-SED-Papier. Der Streit der Ideologien und die gemeinsame Sicherheit.* Freiburg, 1988.

Возможно, что люди более информированные и мыслящие с интересом и симпатией относились к «ветрам с Востока», к усилиям нового руководства Советского Союза устранить угрозу войны и сделать Европу континентом мира. Эта часть правящей в ГДР элиты не могла не видеть, что усилия Москвы прекратить «холодную войну» и наладить сотрудничество с Западом встречают более чем сдержанный отклик в верхах СЕПГ. Но, верные партийной дисциплине, эти люди не поднимали голоса в пользу назревших и в ГДР перемен. Однако оппозиция в ГДР существовала и даже развивалась. Это с наибольшей очевидностью доказывают документы и воспоминания участников событий, ставшие известными в конце XX — начале XXI вв.

В этой связи на первое место можно поставить подготовленный бундестагом ФРГ документальный труд: «Материалы анкетной комиссии: итоги истории и последствий диктатуры СЕПГ в Германии». Бундестагу был представлен 308-страничный доклад о проделанной анкетной комиссией работе³⁶.

Из этого источника следует, что уже в ходе коммунальных выборов 1989 г. МГБ по своим каналам сигнализировало об «организованных и скоординированных проявлениях» критических настроений³⁷. Это почти совпало с открытием Венгрией в июле 1989 г. своей границы с Австрией, что создавало новую возможность покинуть ГДР через Венгрию. Определенное влияние на ход событий в ГДР имело создание в Польше первого некоммунистического правительства во главе с Т. Мазовецким.

В августе 1989 г. в одной из протестантских церквей в Берлине было принято решение создать «Движение за демократическое обновление ГДР». Широкую прессу получило создание в сентябре — октябре 1989 г. организаций «Выступление 89 — Новый форум», а также основание объединений «Демократия — сегодня», «Объединенные левые» и Социал-демократической партии ГДР. В конце 1989 г. возникли партия «Демократический порыв», началась формирование партии «Зеленых».

В октябре 1989 г. возникла постоянная контактная группа для координации действий оппозиции. Ни органы госбезопасности, ни правящая СЕПГ не решилась, как «в добрые старые годы», на корню пресечь деятельность новых объединений.

Целью Анкетной комиссии было собрать документальные материалы, показания участников и свидетелей событий, статистические отчеты и т.п., относящиеся к истории ГДР. Раскрыть тему статьи помогают документы двух полутомов VII тома, посвященные 1989—1990 гг. VI том содержит материалы, относящиеся к более раннему периоду, к деятельности оппозиционных сил «демократическо-коммунистической» направленности, представленных такими фигурами, как Р. Хавеман, Р. Бирман, Р. Барро. Многие идеи этих восточногерманских диссидентов можно было встретить в речах и статьях инициаторов «пражской весны», в дискуссиях в рядах Евангелической церкви, в «блоковых партиях» ГДР. Историк найдет в этом издании сведения о зарождении движения «Зеленых», других объединений внепарламентской оппозиции.

В конце 1980-х годов общественная жизнь в ГДР оживилась, появились первые легальные объединения оппозиции. Наиболее значительным в этом ряду оказался «Круглый стол», который начал свою работу 7 декабря 1989 г.³⁸

В этот день состоялось первое заседание «Круглого стола» (всего их было 16). У колыбели этого заметного события заключительного этапа истории ГДР стояли Евангелическая церковь, а также экологические группы. После периода переписки

³⁶ Комиссия использовала документы федеральных и земельных архивов. На 40 пленарных заседаниях были заслушаны 320 депутатов и экспертов. Комиссия занималась в основном вопросами внутреннего развития ГДР и немецко-немецкими отношениями; военные и международные проблемы «были лишь обозначены». Среди приглашенных комиссией «свидетелей времени» — Г. Коль, Г. Шмидт, Э. Бар, В. Шеель, Х.-Д. Геншер и Х. Модров. — Bericht der Enquete-Kommission «Aufarbeitung von Geschichte und Folgen der SED-Diktatur in Deutschland». — www.dipbt.bundestag.de.

³⁷ Materialien der Enquete-Kommission, Bd. VII (2), S. 1980.

³⁸ В источнике часто встречается название «Центральный круглый стол».

и переговоров в октябре – ноябре 1989 г. удалось усадить за «Круглый стол» 30 активистов, которые разделились на две почти равные антагонистические группы – одна выступила за сохранение самостоятельной республики и ее социалистической основы, при условии решительного реформирования некоторых важных сторон ее жизни. Другая – была с самого начала ориентирована на быстрое сближение ГДР с ФРГ.

Первое заседание «Круглого стола» состоялось через неделю после решения Народной палаты ГДР об удалении из 1-й статьи Конституции положения о руководящей роли СЕПГ. За два дня до начала работы «Круглого стола» был ликвидирован созданный в ГДР союз политических партий – «Центральный демократический блок Национального фронта».

10 ноября 1989 г. была опубликована «Программа действий СЕПГ», где было записано, что партия стоит за избирательное право, которое обеспечивает свободные, всеобщие, демократические выборы при тайным голосованием. На каждой стадии выборов гарантирован общественный контроль»³⁹.

Авторы вводной статьи к разделу документов Анкетной комиссии о «Круглом столе» А. Тайсек и В. Клотокс отмечают, что оппозиция, собравшаяся на заседание «Круглого стола» 1 декабря 1989 г., была намерена «штурмовать уже снесенную изнутри крепость». Они подчеркивают, что «Круглый стол», безусловно, не был «революционной инстанцией», что не мешало одному из ораторов «Круглого стола» вспомнить известную формулу В.И. Ленина о революционной ситуации. В эти дни, отмечают авторы вводной статьи, за пределами «Круглого стола» шел процесс перекартаживания вины за ошибки и преступления с правящей партии на новое правительство ГДР. В начале деятельности «Круглого стола» участие в ней членов правительства не предусматривалось. Из текста вводной статьи можно сделать вывод, что многие в ГДР считали «Круглый стол» «ликвидационным предприятием».

В ходе заседаний «Круглого стола» рассматривались важнейшие проблемы развития ГДР и ситуация в «германском вопросе» в целом. При чтении документов «Круглого стола» создается впечатление, что его участники озабочены тем, чтобы события не вышли из под контроля. У видных германских политиков нет уверенности, что Москва «тихо-мирно» согласится с потерей ГДР. В материалах «Анкетной комиссии», посвященных работе «Круглого стола», опубликовано выступление министра внутренних дел ФРГ В. Шойбле: «Как будет себя держать Советский Союз? Я опасаясь, что Советы еще не зашли так далеко, чтобы отказаться от насильственных действий. Они уже многое проглотили: демонстрации, падение Берлинской стены. Не нужно иметь большой фантазии, чтобы представить себе необозримые риски, связанные с советскими вооруженными силами в Германии». Другие участники «Круглого стола» ожидали опасности «от своих»: Национальной народной армии ГДР, «штази», заводских «боевых групп»⁴⁰.

Введенный 31 ноября 1989 г. в должность министра государственной безопасности ГДР В. Шванитц считал, что угроза насилия исходит от улицы: «Однозначно, что демонстранты становятся все более агрессивными, непредсказуемыми и враждебными в своих высказываниях»⁴¹. Улицы городов ГДР бунтовали против коррупции, укрытия «силовиками» в швейцарских банках миллиардных сумм, уничтожения документов в архивах «штази». Реальной казалась опасность судов Линча над служащими режима.

То, что такие опасности существуют, было очевидно. Руководители ГДР Кренц и Модров, канцлер ФРГ Коль рассказывали руководителю СССР о потере властями контроля в ряде городов, о нападениях на сотрудников «штази».

На одном из заседаний «Круглого стола» выступил Модров. Его выступление нельзя признать удачным. По старой партийной привычке он обратился к присутствующим «Товарищи!» и сообщил, что выступает «перед большим кругом руководителей

³⁹ Materialien der Enquete-Kommission, Bd. VII (2), S. 1714.

⁴⁰ Ibid., S. 1728.

⁴¹ Ibid., S. 1729.

и секретарей», что для значительной части слушателей показалось странным. Модров сообщил членам «Круглого стола», что рассматривает свой пост премьер-министра ГДР как надпартийный, «разделяет заслуги тех, благодаря которым во время взрывной ситуации в Европе перемены произошли мирным путем». В то же время Модров говорил о «возможности служить своей партии и для своей партии»⁴².

Большинство собравшихся не стремилось свергнуть правительство Модрова или занять его место. «Для этого у меня достаточно опасений, – говорил один из организаторов “Круглого стола” Р. Ульман – моей заботой является то что оно само себя свергнет»⁴³. В этих словах отразился факт, что коалиционные союзники Модрова по «правительству национальной ответственности» отдалялись от премьер-министра, все больше сближаясь со своими коллегами в западногерманских политических партиях; некоторые министры покидали свои посты.

Приблизились выборы, назначенные на 18 марта 1990 г. По мере приближения этой даты влияние «Круглого стола» падало, некоторые участники перестали посещать его заседания. Постепенно «Круглый стол» попадал «во всю большую зависимость от воли западной Германии»⁴⁴.

В целом можно утверждать, что в условиях еще существовавшего режима СЕПГ «Круглый стол» пытался создать влиятельную площадку, которая должна была вырабатывать план реформ и альтернативу режиму. Но события перехлестнули эти планы.

Неудача «Круглого стола» была обусловлена рядом факторов: оппозиция организовалась слишком поздно; между «Круглым столом» и коалиционным правительством Модрова не установилось подлинного сотрудничества; участники «Круглого стола» не пытались возглавить массы, скорее, они пытались их успокоить и обуздать. Но популярный форум различных оппозиционных сил внес свой вклад в мирный бескровный ход событий в ГДР. К одной из заслуг «Круглого стола» относится его настойчивая и успешная инициатива, обращенная к Модрову: распустить ненавистные народу органы госбезопасности⁴⁵.

Однако при всей нарастающей активности части политиков и интеллигенции ГДР, массовых акций населения крупных городов и катастрофического «голосования ногами» за пределы республики, решающую роль в объединении Германии играла международная дипломатия и прежде всего, политика Советского Союза.

Нельзя обойти молчанием тот факт, что в переговорах по вопросам будущего Германии имела место и «теневая», закулисная дипломатия. 21 ноября 1989 г. к Х. Тельчику, внешнеполитическому советнику канцлера Коля, обратился сотрудник международного отдела ЦК КПСС Н. С. Португалов с просьбой принять его для беседы. Советский собеседник давал понять, что он транслирует соображения руководящих деятелей СССР. «Неофициальные соображения» показывали, что в Москве считают объединение Германии делом реальным и рассматривают условия и предпосылки такого развития. В беседе перечислялись связанные с объединением Германии конкретные проблемы, интересующие советскую сторону. В качестве обязательного условия объединения назывался отказ от иностранного ядерного присутствия на немецкой земле⁴⁶.

Именно в это время, в ноябре 1989 г., начинается резкое повышение активности руководства ФРГ. 28 ноября Коля выступил с большой речью в бундестаге. Это была правительственная программа из 10 пунктов. Основной линией правительства ФРГ было сотрудничество с ГДР и совместное продвижение к германскому единству. В пунктах 1–5 Коля предлагал помощь ГДР для финансирования поездок ее граждан на Запад. Он предлагал наладить техническое сотрудничество двух германских

⁴² Ibid., S. 1751.

⁴³ Ibid., S. 1811.

⁴⁴ Ibid., S. 1817.

⁴⁵ Ibid., S. 1811.

⁴⁶ Терехов В. П. Холодный блеск фортуны. М., 2012, с. 92–96.

государств в охране окружающей среды, создании телекоммуникаций и совместное строительство железных дорог. Канцлер ФРГ выступал за экономическое сотрудничество и помощь восточному соседу, связывая, правда, эту помощь с коренным изменением политической и экономической систем ГДР. Речь шла о «договорном сообществе», создании совместных германо-германских институтов. Если эти предложения будут приняты ГДР, канцлер ФРГ был готов сделать дальнейший шаг: пойти на создание конфедеративных структур с целью перехода к «федерации в Германии».

Во второй части программы (пункты 6–10) Коль помещал германскую проблему в рамки общеевропейского процесса и отношений между Западом и Востоком, связывая ее решение с европейской интеграцией и будущей общеевропейской архитектурой (ОБСЕ). Пункты 9 и 10 касались поддержки усилий по разоружению и созданию прочной системы безопасности в Европе, как условия обретения единства германским народом⁴⁷.

В Москве выступление Коля вызвало отрицательную реакцию. 10 пунктов канцлера ФРГ критиковали по трем линиям: во-первых, Коль не проконсультировался со своими партнерами, прежде всего – с руководством СССР. Как отметил Горбачёв, канцлер «уже считает, что играет его музыка, мелодии марша, и он сам начал под нее маршировать»; во-вторых, пункты, касающиеся намерений ФРГ в отношении ГДР – «ультимативные требования, выдвинутые в отношении самостоятельного и суверенного немецкого государства»; в-третьих, по мнению Горбачёва, выказанному Г.-Д. Геншеру, «канцлер Коль торопится, искусственно торопит события»⁴⁸.

В «Воспоминаниях» Коль пишет, что в момент представления парламенту «10 пунктов» он не думал о спешном, немедленном объединении: «В моем первоначальном временном плане в ноябре 1989 г. ... я исходил из того, что в 1990 г. будет достигнуто соглашение о договорном сообществе, в 1991 г. – созданы конфедеративные структуры и в 1992–1993 гг. будет создана федерация». Однако, продолжал Коль, «фактическое развитие преодолело эти представления, ибо экономика ГДР находилась в катастрофическом состоянии, внешний дефицит составлял 40 млрд марок ФРГ».

Все это Коль излагал советскому послу в Бонне Ю.А. Квицинскому 22 марта 1990 г. Канцлер добавил, что проблемы, связанные с экономическим договором СССР с ГДР, наверняка можно решить. Что касается проблем ограниченного временем пребывания советских войск на территории ГДР, то он, Коль, их понимает, так же, как и связанные с этим комплексные финансовые проблемы⁴⁹.

На рубеже 1989–1990 гг. руководители крупных государств не раз проявляли свою тревогу по поводу перспектив создания объединенного германского государства. Британский премьер М. Тэтчер настойчиво советовала «не спешить» с решением этого вопроса. Председатель Совета министров Италии Андреотти объяснялся в своей любви именно к двум Германиям.

6 декабря 1989 г. в Киеве состоялась встреча М.С. Горбачёва с президентом Франции Ф. Миттераном. Французский гость тоже был удивлен темпу, который канцлер ФРГ старался придать процессу германо-германского сближения. «Речь Коля, – говорил Миттеран, – его десять пунктов, все перевернули с ног на голову. Он перемешал все факторы, он спешит»⁵⁰. В ходе этой беседы советский руководитель отзывался о поведении Коля очень резко. «Поведение ФРГ, – сообщил он Миттерану, – напоминает действия слона в посудной лавке»⁵¹.

Начало 1990 г. ознаменовалось в Москве активными поисками оптимальной позиции Советского Союза в германском вопросе. 26 января 1990 г. в кабинете Генерального секретаря для обсуждения этого вопроса встретились, помимо хозяина

⁴⁷ Texte zur Deutschlandpolitik. Bonn, S. 426–433.

⁴⁸ Михаил Горбачёв и германский вопрос, с. 273–284.

⁴⁹ Kohl H. Erinnerungen. 1990–1994. München, S. 54–55.

⁵⁰ Михаил Горбачёв и германский вопрос, с. 289.

⁵¹ Там же, с. 290.

кабинета, Н.И. Рыжков, Э.А. Шеварднадзе, В.А. Крючков, С.Ф. Ахромеев, А.С. Черняев, Г.Х. Шахназаров, А.Н. Яковлев, В.М. Фалин, Р.П. Федоров. Имеется лишь краткая запись выступлений в ходе этого обсуждения. В некоторых случаях можно отметить глубоко укоренившееся недоверие к немцам, к будущей Германии. Председатель КГБ Крючков сообщил, что «Германия никогда не согласится с нынешними границами». Председатель Совета министров Рыжков в начале своего выступления реалистически оценивал ситуацию. Он говорил, что начавшийся процесс уже не остановить, что «ГДР нам не сохранить... Экономика ее разносит. Все государственные институты распушены». Но далее глава правительства СССР высказал неожиданное предположение: если «отдавать все Колю ... то Германия через 20–30 лет развяжет третью мировую войну»⁵².

Это совещание у Горбачёва интересно тем, что именно там родилась идея создать новую площадку для переговоров: «4+2» (позднее названную «2+4»). Именно в этой инстанции с участием министров иностранных дел шести государств (СССР, США, Великобритании, Франции, ФРГ, ГДР) были согласованы окончательные условия объединения Германии.

Между тем, ситуация в ГДР осложнялась с каждым днем. Помимо названных Рыжковым признаков распада, были и другие. За 1989 г. покинули ГДР и переехали в ФРГ 380 тыс. чел. В течение января 1990 г. еще 55 тыс. граждан ГДР переселились на Запад. Коль в беседе с Горбачёвым 10 февраля 1990 г. предположил, что в течение этого месяца число переселенцев увеличится еще на 65–70 тыс. Обрушился авторитет государства, что проявилось в разгроме в январе 1990 г. здания МГБ ГДР. В той же беседе с Горбачёвым Коль сообщил, что даже государственные предприятия ГДР требуют производить оплату своей продукции в западногерманских марках. По информации Коля, в ГДР подымается волна мести по отношению к недавним представителям власти; в стране против них начались около ста судебных процессов. Канцлер сообщил, что в ФРГ приезжают офицеры Национальной народной армии ГДР и заявляют о своей готовности служить в бундесвере⁵³.

Незадолго до отъезда в Москву Коль сделал заявление о необходимости создания валютного союза ФРГ и ГДР. Переговоры в феврале 1990 г. оставляли впечатление, что вопрос об объединении Германии перестал быть предметом дискуссии – объединение уже предрешено. Такое же впечатление оставляли и переговоры с американцами.

За день до встречи с Кодем Горбачёв и Шеварднадзе встретились с государственным секретарем США Дж. Бейкером. Собеседники обсуждали проблемы, которые могут возникнуть после объединения Германии. Как заявил госсекретарь США, «вскоре внутренняя интеграция Германии станет фактом». Бейкер высказывался за сохранение в объединенной Германии американского присутствия «в рамках НАТО». Он считал, что при этом «должны быть даны гарантии того, что объединение Германии не приведет к распространению военной организации НАТО на Восток»⁵⁴. Горбачёв подчеркнул, что «расширение зоны НАТО является неприемлемым»⁵⁵.

Но, как справедливо заметил в свое время Талейран, в политике, как и в музыке, мотив, не положенный на ноты, не имеет цены. Горбачёв это понимал. В своем интервью американскому журналу «Тайм» 22 мая 1990 г. он сказал: «Никакие самые, может быть, искренние заверения, сделанные сейчас под горячую руку, не могут заменить прочных международных гарантий навсегда мирного развития и навсегда мирной политики Германии»⁵⁶. Надежды части населения ГДР и советских лидеров, что Модров во главе правительства сможет взять под контроль ситуацию в ГДР, не оправдались. 9 марта 1990 г. в стране состоялись выборы в Народную палату. ХДС получила 40,9%

⁵² Там же, с. 309.

⁵³ Там же, с. 342.

⁵⁴ Там же, с. 334.

⁵⁵ Там же, с. 338.

⁵⁶ Черняев А.С. Указ. соч., с. 21.

голосов, СДПГ – 21,8%. Была образована коалиция двух партий «Содружество во имя Германии». Премьер-министром стал председатель ХДС ГДР Л. де Мазьер. Один из важных шагов правительства де Мазьера было подписание в мае 1990 г. договора с ФРГ о создании валютного, экономического и социального союза⁵⁷.

В середине июля 1990 г. состоялись встречи Горбачёва и Коля в Москве и Архызе, имевшие важнейшее значение для завершения процесса объединения Германии. Обсуждались судьба группы советских войск в Германии, членство Германии в НАТО и численность будущей германской армии. Коль заявил в ходе этих переговоров, что объединенная Германия будет входить в НАТО. По ходу переговоров было ясно, что Восточная Германия «не будет входить в сферу действия НАТО до тех пор, пока на бывшей территории ГДР находятся советские войска». Был также поставлен вопрос об обучении советских военнослужащих гражданским профессиям, которые могут понадобиться при переходе на рыночную экономику⁵⁸.

На встрече в Архызе советская сторона еще раз подчеркнула признание полного и неограниченного суверенитета будущей объединенной Германии, приняла как основу для детальных переговоров срок вывода группировки советских войск с территории ГДР (3–4 года). Стороны условились, что между СССР и объединенной Германией будет заключен «всеобъемлющий и основополагающий двусторонний договор».

В связи с проблемой вывода советских войск с бывшей территории ГДР представляет интерес заявление Коля на пресс-конференции по итогам встречи: «Мы согласились с тем, что после вывода советских войск на этой территории не будут размещаться негерманские части»⁵⁹.

Немецкая сторона в ходе встречи в Архызе сделала заявление о том, что вооруженные силы объединенной Германии за 3–4 года будут сокращены до 370 тыс. чел. Министр иностранных дел ФРГ Геншер предлагал еще большее сокращение. В «Воспоминаниях» Коль отмечал, что в этом случае пришлось бы перейти от призыва в бундесвер к созданию профессиональной армии. В беседе с Горбачёвым накануне отлета в Архыз Коль сослался на К. Маркса, «который был отцом концепции создания армии на основе призыва военнообязанных»⁶⁰. Было условлено, что объединенная Германия откажется от производства, владения и распоряжения атомным, биологическим и химическим оружием и останется членом Договора о нераспространении ядерного оружия. Обсуждались также вопросы сотрудничества СССР и объединенной Германии в сфере экономики и финансов.

Позднее вокруг договоренностей в Архызе в советской и российской научной и публицистической литературе можно было встретить много критических заявлений в адрес Горбачёва, который, якобы, пошел на неоправданные уступки, продешевил, мог получить с другой стороны больше, чем получил.

В 2007 г. были опубликованы мемуары канцлера Коля, относящиеся к 1990–1994 годам. Коль вспоминал, что между двумя сторонами имела место жесткая дискуссия, упорный торг и конечный результат является не свидетельством «сдачи позиций» или «дешевой распродажи», а итогом трудного компромисса.

Уже после Архыза в переговорах двух руководителей обсуждался размер финансовых средств, выделяемых Германией для строительства на территории СССР квартир для офицеров советских войск, выводимых из Германии. В телефонном разговоре с Горбачёвым 7 сентября 1990 г. Коль назвал «реалистическую общую сумму в 8 млрд марок». В ответ Горбачёв назвал сумму 11 млрд марок. По его мнению, названная Колем сумма «взрывает всю проделанную нами работу». Партнеры уславливаются о новом разговоре 10 сентября 1990 г. Коль говорит, что ФРГ готова оказать содействие

⁵⁷ Полный текст договора опубликован в официальном сборнике документов. – Die Vereinigung Deutschlands ihm Jahr 1990. Eine Dokumentation. Bonn, 1991, S. 121.

⁵⁸ Михаил Горбачёв и германский вопрос, с. 502.

⁵⁹ Там же, с. 539.

⁶⁰ Kohl H. Op. cit., S. 171.

в строительстве 36 тыс. квартир и расчеты показывают, что на это потребуется 11–12 млрд марок. Горбачёв в ответ называет сумму в 15–16 млрд марок. Коля оспаривает это предложение, а Горбачёв сообщает, что предложение Коля его разочаровало. В конечном счете после жесткого торга стороны договорились, что ФРГ выделяет 12 млрд марок и дает СССР беспроцентный кредит в 3 млрд марок⁶¹.

Где же здесь «неоправданные уступки»? Речь идет о жесткой дискуссии, в ходе которой немецкая сторона согласилась выделить СССР на несколько млрд марок больше, чем предлагала вначале.

12 сентября 1990 г. в Москве министрами иностранных дел СССР, США, Великобритании, Франции, ФРГ и ГДР был подписан Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии. Незадолго до этого в Москве был подписан Договор о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве Советского Союза с объединенной Германией.

В конце сентября 1990 г. темой переговоров двух сторон стала начавшаяся в Восточной Германии «охота за ведьмами» — полоса преследования бывших деятелей социалистической ГДР. Горбачёв направил Колю специальное письмо по этому поводу. Он писал, что тысячи людей собираются судить за «национальную измену, за преступления против человечности», а также «за подрывную деятельность в интересах иностранного государства». Горбачёв обращал внимание Коля на то, что начинают сводить счеты за поведение и политику в другом государстве, которое жило по своим законам. Что касается «услугения иностранному государству», — писал Горбачёв, то «не будем в игры играть — метят в Советский Союз, пренебрегая его вкладом в восстановление единства Германии». Президент СССР предлагал канцлеру ФРГ изыскать способ охладить усердие тех, кто не прочь продлить «холодную войну» на внутригерманском фронте⁶².

Это был последний контакт советского лидера с канцлером ФРГ в условиях разделенной Германии. 3 октября 1990 г. стало днем германского единства. Второе немецкое государство — Германская Демократическая Республика перестала существовать.

Одной из главных причин ликвидации ГДР были ошибки в ее внутреннем развитии, в неспособности ее руководства наладить современную экономику, построить государство с европейскими параметрами демократии, превратить свою страну — «витрину социализма» в привлекательный пример для соседних стран и народов. То, что удалось сделать ФРГ — стать «магнитом», притягивающим симпатии восточногерманского населения, за 40 лет так и не сумели добиться руководители и правящая партия ГДР.

С момента создания новой, объединенной Германии прошло четверть века. Но и сегодня между учеными, политиками и публицистами идут споры об оценке объединения Германии. Авторы статьи согласны с теми, кто признает историческую неизбежность и справедливость объединения страны. Раскол Германии был одним из главных очагов «холодной войны». С ее затуханием, с улучшением отношений между великими державами, проблема, отравлявшая международные отношения, не раз приводившая к опасным кризисам и даже к порогу мировой войны, была устранена. Это главное. Объединение позволяло новому единому германскому государству стать более самостоятельным в своей внешней политике, что проявилось, в частности, в связи со «второй иракской войной» 2003 г.

Объединение было естественным и неизбежным событием для 83 млн немцев. 25-летний опыт германского единства показывает, что опасения многих крупных европейских политиков по поводу будущей «агрессивной» роли Германии на континенте не оправдались.

Роль СССР в решении германской проблемы была выдающейся. Руководству нашей страны было непросто, учитывая трагические события середины XX в., занять

⁶¹ Михаил Горбачёв и германский вопрос, с. 563–564.

⁶² Там же, с. 593–594.

позицию активной поддержки стремления немецкого народа к объединению. В Советском Союзе были как оправданные, так и преувеличенные опасения перед будущей единой Германией; были даже настроения в пользу силового вмешательства с целью не допустить германского объединения.

Необходимо также понимать, что для части населения ГДР объединение страны стало крушением их надежд на создание социалистического немецкого государства. Но это крушение было неизбежным следствием неудачи исторического, социального эксперимента не только в Восточной Германии, но и в Советском Союзе и в Восточной Европе.

История объединения Германии, судьба ГДР стали предметом многочисленных исследований в Германии, Советском Союзе (России), в других странах. Но не все архивы еще открыты, не на все вопросы найдены ответы. Точку в изучении германского вопроса ставить рано. Эти темы требуют дальнейшего анализа и обсуждения.